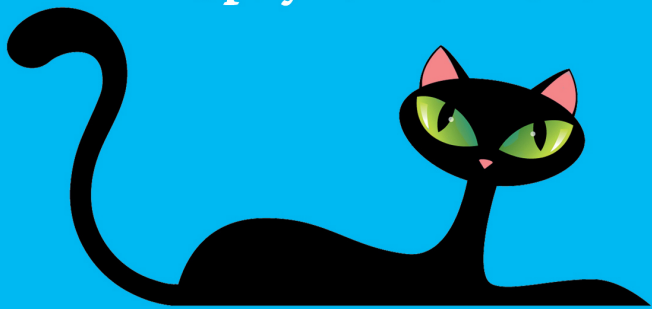

Фрауке Шойнеманн

Приключения

КОТА- детектива

 Загадка
сбежавшего
сейфа

Фрауке Шойнеманн
Загадка сбежавшего сейфа
Серия «Приключения
кота-детектива», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48634622

Загадка сбежавшего сейфа / Фрауке Шойнеманн: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-088614-2

Аннотация

Целая серия краж потрясла город! Неизвестные таинственным образом проникли в несколько школ и украли оттуда сейфы! Полиция недоумевает, как злоумышленникам удалось пройти сквозь запертые двери. Но когда они добрались до гимназии «Вильгельмина», в которой учатся друзья Уинстона, коту-детективу не осталось ничего, кроме как начать расследование. Конечно, это невероятно опасно, ведь здесь орудует целая банда! Но у Уинстона есть суперсмелые друзья! Кира, Том, Паули и четыре мяушкетера уже готовы выйти на след похитителей сейфов!

Содержание

Бефстроганов, полиция и один очень голодный кот	5
Закон серийности и вопросы, вопросы...	17
Четыре мяушкетера снова вместе. Во всяком случае, временами	28
Свидание, которое нравилось не всем, плохое настроение у Вернера и странные события	37
Мороженое-спагетти, песочный человечек и пари	47
Уинстон стал Супер-Уинстоном. А завхоз так и остался завхозом	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фрауке Шойнеманн

Загадка сбежавшего сейфа

Frauke Scheunemann

Winston – Jagd auf die Tresorräuber

© 2015 Loewe Verlag GmbH, Bindlach.

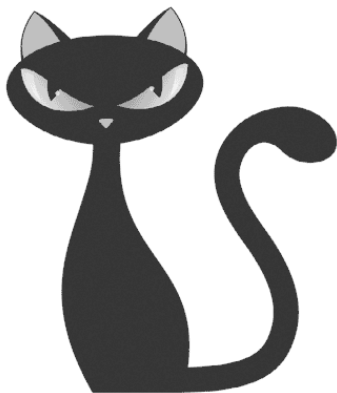
© Гилярова Ирина, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается Христиане.

Следующий праздник Рождества будет удачнее!

Бефстроганов, полиция и один очень голодный кот

Бабушка стояла на кухне возле окна, то и дело поглядывала на улицу и возмущенно качала головой, отчего высокая башня из ее волос угрожающе покачивалась из стороны в сторону. Ее настроение ухудшалось с каждой минутой.

– Куда же заперрропалились Анна с ррребенком? – ворчала она, убирая кастрюли с плиты. – Все уже остывает. Еще полчаса – и еда станет невкусной.

Еда станет невкусной? Очень жаль, ведь бабушка приготовила из превосходной говядины нечто необыкновенно

вкусное, я чувствовал это по запаху и очень надеялся, что и мне немножко достанется. У меня уже слюнки текли. Это блюдо называется «бефстроганов» – немножко странно, но бабушка уже делала его, и вкус был великолепный. Бабушка вообще превосходная кулинарка, и теперь она проводила много времени на кухне. Я, как член нашей семьи, мог это только приветствовать.

Я, Уинстон Черчилль, очень благородный и очень черный кот британской короткошерстной породы, избалован и привередлив во всем, что касается еды. Меня рекомендуют кормить, например, свежесваренной куриной печенкой с петрушкой и другими вкусностями – ну, если люди хотят, чтобы у меня было хорошее настроение. Бабушке это превосходно удавалось, поэтому она пользовалась моим высочайшим уважением.

Правда, другие члены нашей семьи не всегда были довольны ею так же, как я. Вот, к примеру, единственный наш мужчина, профессор Вернер Хагедорн. Иногда бабушка сердито поглядывала на него, потому что он оставлял свои книги по всей квартире, и тогда он тяжело вздыхал. Мне кажется, что в такие моменты он вспоминал времена, когда мы жили с ним вдвоем в нашей красивой и большой квартире и он мог оставлять свои вещи где хотел. И у нас всегда было тихо и спокойно – красота, да и только!

Все резко переменилось, когда Вернер нанял новую экономку Анну. Она поселилась у нас со своей дочкой Кирой, и

благодаря этой, теперь уже тринадцатилетней, девочке в наш дом вошла настоящая жизнь. Поначалу мне такие перемены абсолютно не нравились, но постепенно я начал понимать, что моя прежняя жизнь текла довольно скучно. Кира стала моим лучшим другом, и вместе с ней мы раскрыли несколько настоящих преступлений. Потому что дети и кошки непревзойденные детективы – и вместе они просто непобедимы!

Какое отношение имела к этому бабушка? Все очень просто – она приехала из России к своим дочерям, Ольге и Анне. Поначалу она собиралась пожить у нас недели две и после этого вернуться в свой Омск, но потом она пришла к выводу, что нам срочно требуется ее помощь в воспитании Киры и ведении хозяйства. И тогда она просто осталась у нас жить.

Анна была, мягко говоря, не в восторге от такого решения – ей не хотелось жить вместе с матерью. Не знаю почему, но люди, кажется, не любят жить с родителями, когда становятся взрослыми. Вот мы, кошки, чаще всего расстаемся со своей семьей совсем маленькими. Но вообще-то я бы не возражал, если бы моя мама тоже гуляла по квартире Вернера. Хотя она в отличие от бабушки вообще не умела готовить.

Решительной поступью бабушка протопала мимо меня в коридор и направилась к входной двери. Неужели она собирается выйти на улицу искать Анну с Кирой? Нет, она всего лишь взяла с комода телефонную трубку. Энергично потыкала в нее пальцем, набирая номер, и поднесла трубку к уху:

– Негодница такая, где же ты? Почему не отвечаешь?

Если бабушка ругалась по-русски, это означало, что она была ужасно сердита. Обычно она старалась говорить по-немецки. Но для меня это не составляло проблемы, потому что я прекрасно понимаю русский язык. Вот и теперь я понял, что бабушка злилась на Анну, потому что та не брала трубку. Как я выучил русский? Ну, вообще-то это долгая история. Если кратко, то однажды, когда гроза застала нас с Кирой на улице, мы с ней поменялись телами. Невероятно, но факт. К счастью, через некоторое время нам удалось вернуться в наши родные тела, но кое-какие человеческие умения у меня сохранились. С тех пор я не только знаю русский и чуточку английский, но еще умею читать и писать.

Бабушка повернулась ко мне:

– Иди сюда, Уинстооон! Если Анна с Кирррой задержатся, мы пообедаем одни, – сказала она со своим раскатистым «р». – Ты тоже получишь порцию бефстррроганов. Это очень вкусно!

Я замурлыкал от восторга. Мудрое решение! А если Анна с Кирой вообще пропустят обед, тогда мне достанется гораздо больше! Обычно бабушка дает мне совсем чуть-чуть, но тут она вроде решила положить мне в миску солидную порцию. Муррр-мяу!

Таким же решительным шагом бабушка устремила на кухню, я поспешил за ней. Там она поставила мою миску на столешницу, схватила поварешку и...

В этот момент я услышал, как открылась входная дверь.

Вернулись Анна с Кирой! Бабушка тут же отложила поварешку в сторону и побежала в коридор. Эх, какая досада! Значит, я останусь без большой порции? Надо было им вернуться прямо сейчас! Часами где-то шлялись, а теперь появились в самый неподходящий момент. Какая бестактность!

– Бабушка, бабушка, представляешь – сегодня к нам в школу приходила полиция! – Кира ворвалась в квартиру и швырнула свой ранец на пол, отчего бабушка тут же в недоумении подняла брови. Бабушка вообще считала, что каждую вещь необходимо сразу класть на место, а место для школьного ранца было, конечно же, не на полу в коридоре, а в комнате Киры.

Впрочем, Кира даже не обратила внимания на бабушкины брови и продолжала взволнованно рассказывать:

– В «Софи Шолль»¹ ночью произошла кража. Воры утащили сейф! Они пробрались в кабинет директора и выдрали сейф прямо из стены. А потом смылись с ним. С ума сойти, правда?

Хм, в самом деле звучит волнующе. На несколько мгновений я даже забыл о своем голоде. Школа «Софи Шолль» находится прямо рядом с гимназией «Вильгельмина», в которой учится Кира. Но если гимназия, с ее белым фасадом

¹ Софи Шолль (1921–1943) – активистка немецкого Сопротивления, выступавшая против нацистского режима. Ее имя присвоено одной из школ в Германии. (Прим. ред.)

и башенками, выглядит почти как замок, то «Софи Шолль» располагается в массивном здании из красного кирпича. Пару раз я уже бывал возле нее, когда обе школы устраивали совместные курсы. Честно говоря, мне даже трудно представить, как преступники ухитрились вынести тяжелый сейф из этого здания, похожего на крепость, – такого же огромного и неприступного.

Зато на бабушку рассказ Киры не произвел никакого впечатления:

– Иди скорррее на кухню. Обед остывает!

– Бабушка, ты вообще поняла, о чем я сейчас рассказала? В школе были преступники! Представляешь?!

Фрау Коваленко недовольно хмыкнула и покачала головой.

– Да-да, – ответила она наконец по-русски, – *я все поняла. Мне непонятно только одно – почему вы так поздно? Неужели полиции понадобилась твоя помощь, дитя мое?*

Не успела Кира что-либо сказать, как за нее, входя в квартиру, ответила Анна:

– Нет, мамочка! Кира просто ждала меня.

– Как это? Ты помогала полиции?

– В каком-то смысле. Полиция опрашивала сегодня всех, у кого был ключ от входной двери школы «Софи Шолль», потому что в кабинет директора каким-то образом проникли преступники.

– У тебя есть ключ?

– Конечно. Ведь по четвергам я всегда репетирую в актовом зале «Софи Шолль» с оркестром младших классов, и ключ мне необходим, чтобы потом запереть школу.

Точно. По четвергам Анна всегда возвращалась домой позже обычного. И вообще теперь она стала скорее учительницей музыки, чем экономкой. Потому что в России, в городе под названием Омск, откуда они с Кирой уехали пять лет назад, она учила детей пению и игре на фортепиано. И когда Кира вместе со мной и моими друзьями-кошками с заднего двора приложила все силы к тому, чтобы прежний учитель музыки из гимназии «Вильгельмина» попал в тюрьму, Анна заняла его место. Сначала она преподавала изредка, потом все чаще, и теперь у нее оставалось совсем мало времени на ведение хозяйства в доме Вернера.

Но зато теперь у нас была бабушка! Пока Анна находилась в школе, тряпкой и поварешкой тут орудовала ее мама. А потом, освободившись от хлопот на кухне, она строго следила за тем, чтобы Кира тщательно выполняла домашнее задание или старательно занималась музыкой. И вообще, когда нужно было что-то сделать, бабушка всегда была тут как тут. Она поселилась в маленьком кабинете Вернера рядом с кухней – так ей было удобнее. Вот только бедному Вернеру пришлось все книги, рукописи и прочее перетащить вместе с письменным столом в угол гостиной. Впрочем, мой профессор храбро выдержал новое испытание и надеялся, что эти неудобства временные, потому что бабушка скоро най-

дет себе отдельное жилье. А я не понимал, как и где она будет его искать.

Еще я не понимал и самого главного: когда я наконец-то получу свою порцию обещанного бефстроганов? Я ведь буквально умирал от голода, который нарастал во мне с чудовищной быстротой. Пускай мои соседи по квартире не думают, что я мурлычу – это урчит от голода мой желудок!

Увы, никто не обращал на меня внимания. Анна все рассказывала и рассказывала бабушке о том, как с ней и другими сотрудниками беседовали полицейские. И при этом продолжала стоять в коридоре возле двери.

– Нас опрашивали по очереди, и на это, как ты сама понимаешь, ушло много времени. В основном их интересовало, не бросилось ли нам в глаза что-нибудь подозрительное и не передавали ли мы в последнее время кому-нибудь свои ключи, не теряли ли их.

– Ну, а ты что? Ты не терррряла? Не перррредавала? – допытывалась бабушка.

– Да ты что?! – воскликнула Анна. – Нет конечно! Ведь это ключ, который подходит ко всем школьным дверям – я берегу его как зеницу ока!

– Вот и славно. Тогда давайте пообедаем! – заявила бабушка не терпящим возражений тоном. Впрочем, разве кто-нибудь стал бы возражать против такого восхитительного обеда? Уж точно не я!

Кира вздохнула, но помыла руки и села за стол. Бабушка

положила ей на тарелку щедрую порцию мяса, но мысли Кирры явно витали где-то далеко от нашей кухни.

– Бабушка, а знаешь, это ведь уже третье ограбление за последние четыре недели, – она рассеянно жевала бефстроганов.

– Откуда же мне это знать? – удивилась бабушка. Вполне справедливо, по-моему. Я, например, тоже ничего об этом не знал. Вообще ничего! Хотя я, без преувеличения, необыкновенно информированный кот.

– Но это правда! – воскликнула Кира и серьезным тоном продолжила: – Воры похитили уже огромную сумму. В одной только «Софи Шолль» в украденном сейфе хранилось пять тысяч евро – недельный доход школьной столовой!

Анна кивнула, подтверждая слова Кирры. Бабушка всплеснула руками.

– Да, повар просто в отчаянии, – продолжала Кира. – На какие деньги он теперь будет закупать в ближайшие дни продукты, чтобы готовить школьные обеды?

Ох, святые сардины в масле! Ситуация серьезная! Мне страшно даже подумать, что получится, если в школьной столовой не будет никакой еды! Наверняка ведь не каждому ребенку повезло так, как Кире, потому что у нее есть бабушка, которая почти каждый день готовит что-нибудь потрясающе вкусное. От огорчения я нервно пошевелил хвостом.

Анна заметила это и рассмеялась:

– Вы только поглядите, как расстроился Уинстон! Когда

речь идет о еде, ему не до шуток. Кира, положи ему в миску немного мяса.

Наконец-то! Какой бы печальной ни была участь бедного школьного повара, я все-таки был рад, что обо мне наконец вспомнили. Кира поработала поварешкой и поставила мою миску вместе с восхитительным, ароматным содержимым на пол. Я с жадностью набросился на бефстроганов. Это было потрясающе вкусно!

– Уинстооон всегда голодный! – заявила бабушка. – У него хоррроший аппетит. Но если он слишком рррастолстеет, пррридется посадить его на диету!

Что значит «слишком растолстеет»? Я стройный и спортивный! По-моему, сейчас я в прекрасной форме!

– Уинстона посадить на диету? – захихикала Кира. – Нашему коту это наверняка не понравится. С другой стороны, понравится ли Одетте, если у него будет толстое брюхо? Как ты считаешь, Уинстон? Как отнесется к этому твоя подруга? Если нормально, тогда можешь спокойно обжираться и дальше.

Извините меня – но какое отношение к моему режиму питания имеет Одетта? Поясняю тем, кто еще не знает: во-первых, это самая красивая белая кошечка на свете, во-вторых, моя лучшая подруга. Она живет на заднем дворе нашего дома, и у меня ни с кем нет такого полного взаимопонимания, как с ней. Ну, конечно, не считая Киры. Так что, если уж кому-то и будет абсолютно безразлично, что я чуточку при-

бавил в весе, так это моей милой Одетте. Для нее важнее другое – мой богатый духовный мир, красота моей героической души, мои внутренние достоинства! Я умный, добрый, сообразительный, всегда готовый помочь и... э-э, кажется, что-то еще, только не могу вспомнить... Ах да, конечно, еще я скромный. И необычайно храбрый. Иначе я не отправил бы за решетку двух преступников. Помимо всего прочего, я еще и хорош собой. С брюхом или без него. Или, может, с брюхом я все-таки уже не так хорош?

Я украдкой взглянул на свои бока. Неужели я в самом деле чуточку потолстел? Хм, пожалуй, немножко. Но вдруг Одетте это и вправду не понравится? Хотя я ведь вовсе не такой жирный, как Спайк – наш знакомый полосатый кот, его тоже можно часто видеть в нашем дворе. И уж, разумеется, я выгляжу гораздо лучше Чупса, приятеля Спайка, потому что хоть тот и худой, но всегда какой-то облезлый. А вдруг я теперь покажусь Одетте не таким красивым, какой она кажется мне?

При мысли об этом последний кусочек бефстроганов застрял у меня в глотке, и я проглотил его с большим трудом. После этого я решил впредь следить за своим питанием и больше двигаться. Бег трусцой помогает сохранить хорошую фигуру, а я, честно говоря, в последние недели много ленился. Только и знал, что валяться на диване или пробегать кружок по двору, а этого, конечно, недостаточно для сохранения хорошей формы.

Впрочем, мне неохота бегать по Гамбургу в одиночку. Хотя теперь для меня уже не составляло проблемы выйти на улицу, потому что пару недель назад в двери нашей квартиры и внизу, в двери дома, сделали кошачьи створки. Идея принадлежала бабушке. Почему-то ей показались некрасивыми те царапины, которые оставляли на нашей двери мои когти, когда после прогулки я просился домой. Но я все-таки решил поумерить свои спортивные амбиции и дожждаться, пока Кира пойдет в город. С ней гораздо интереснее бегать по улицам, чем одному.

Я встряхнулся и направил на Киру бодрый взгляд в надежде, что она поймет мое желание прогуляться. Короче, дорогая моя: если ты отправишься куда-нибудь после обеда – я пойду с тобой! Можете посмеяться надо мной, если я в кратчайшие сроки не верну себе спортивную фигуру!

Закон серийности и вопросы, вопросы...

– Бармбек, Люруп, Биллштедт – и вот теперь Харвестехуде! И все четыре находятся далеко друг от друга, совершенно в разных частях Гамбурга! О чем это нам говорит? – Кирин одноклассник Том обвел вопросительным взглядом наш небольшой кружок.

Я посмотрел на него, надеясь, что он прочтет в моем взгляде ответный вопрос. Потому что перечисленные им названия не говорили мне ровным счетом ничего. И вообще я мчался за Кирой бешеным галопом не для того, чтобы разгадывать какие-то там загадки. Просто мне было необходимо пробежаться и избавиться от моего несуществующего брюш-

ка. Но сейчас вместо тренировки я сидел на кровати Тома в его комнате да еще должен был забивать себе голову названиями каких-то там районов Гамбурга. Лучше бы я остался дома.

Кажется, Паули, третья из моих двуногих друзей, скучала и томила не меньше меня, потому что она зевнула и не стала отвечать на вопрос Тома.

– Ну правда, Том! Мне абсолютно все равно, где уже были совершены такие преступления. Я просто не понимаю, почему это тебя так волнует. Ведь сейф украли не из нашей гимназии.

Том сердито засопел:

– Паули, ты меня просто удивляешь, честное слово! Разве можно быть такой равнодушной? Гамбургские школы стали жертвами целой серии преступлений, а тебя это не интересует! Разве тебе не хочется разобраться в этом?

Паули энергично замотала головой:

– Не-а. Мне это абсолютно по барабану, потому что лично у меня ничего не стырили. Да и вообще: зачем тогда в городе полицейские? Они проведут квалифицированное расследование и поймают преступников. В полиции работают профессионалы.

Том даже подпрыгнул от возмущения и закатил глаза:

– Полиция! Мы ведь уже убедились, что полицейские часто ничего не видят дальше собственного носа! Ты просто представь себе, что случится что-то страшное. Что-то, что

мы могли бы предотвратить. И тогда ты будешь злиться на себя и на нас из-за того, что мы ничего не предприняли, а сидели и хлопали ушами.

Что правда, то правда – тут не поспоришь. Когда пару месяцев назад преступник похитил Эмилию, одноклассницу Киры, Тома и Паули, мои двоюродные друзья и мы, кошки, совместными усилиями выследили похитителя, и благодаря этому Эмилия благополучно вернулась домой, целая и невредимая. А до этого мы с ребятами разоблачили Вадима, бывшего друга Анны, который занимался контрабандой сигарет и хотел свалить всю вину на Анну. Но теперь была совсем другая ситуация: кражи сейфов лично нас не касались, и поэтому я бы не возражал, чтобы моя жизнь в дальнейшем была более спокойной. Мне надоели опасные приключения.

Да и Паули тоже смотрела на Тома с сомнением:

– Ну, не знаю... Я-то думала, что мы займемся математикой. Иначе даю гарантию, что со мной уж точно произойдет что-то страшное, что мы вполне могли бы предотвратить!

Кира рассмеялась.

– Ясное дело, – весело подтвердила она, – с математикой тебе, конечно, никакая полиция не поможет. Действительные числа и десятичные дроби способны сбить с толку даже самого бывалого детектива.

Тут прыснула от смеха и Паули. Девчонки долго хохотали и никак не могли остановиться. Мне даже показалось, что из их ртов вырывалось конское ржание. Том сердито погляды-

вал на них, и я его понимал: ведь неприятно, когда над тобой так громко смеются.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул мальчик постарше. В очках, как и Том, с короткой каштановой шевелюрой. Правда, он был на две головы выше нашего друга и еще тоньше, чем он. Наверное, беднягу плохо кормят! Я видел его уже несколько раз – это Нико, старший брат Тома.

– Эй, друзья, нельзя ли потише? – В голосе Нико звучал упрек. – Я сижу в соседней комнате и никак не могу сосредоточиться на домашнем задании. По-моему, вам тоже пора заняться уроками, а не тратить время на шутки. Когда Том сказал, что хочет позвать вас, я сразу его предупредил, что сегодня мне это неудобно. Если ты забыл, братец, то напоминаю: на следующей неделе у меня письменный выпускной экзамен по математике, и мне нужна тишина, чтобы спокойно готовиться!

Быстрым движением руки Том поправил очки и вздохнул:

– Извини, Нико. Мы будем вести себя тихо.

Ничего больше не говоря, Нико убрал голову и громко хлопнул дверью. Том повернулся к Кире и Паули, которые притихли при виде Нико, но, по-моему, виноватыми себя не чувствовали.

– Твой брат зануда, – пробормотала Паули.

А я вот не очень-то понимал, что такое выпускной экзамен по математике. Говоря по правде, я до сих пор вообще ничего не слышал об этом. Но догадывался, что это ужасно

важная контрольная.

– Ладно, тогда давайте тоже займемся математикой, – пожал плечами Том. – Но вообще-то, девчонки, вы меня ужасно разочаровали. Ведь вы даже не поинтересовались, к каким выводам я уже пришел, анализируя то ограбление.

Ну хорошо, допустим, Том всегда говорил слишком сложно и заумно для своих тринадцати лет. Этим он немного напоминал моего профессора Хагедорна. Но и я тоже, честно говоря, удивился, что обеих девочек абсолютно не интересовало, что такого умного придумал Том. К сожалению, сам я, будучи котом, не мог спросить его об этом, иначе бы обязательно это сделал.

– Так и быть, – наконец великодушно согласилась Кира, – расскажи, о чем нам говорит то обстоятельство, что преступники действовали по всему Гамбургу?

Лицо Тома озарилось радостью. У меня не было никаких сомнений, что он охотнее говорил про преступников, чем про какие-то там десятичные дроби, или как они там называются.

– Я уверен: мы имеем дело с настоящими профи, преступниками-рецидивистами!

Паули и Кира посмотрели на него с удивлением:

– Почему ты так решил? Откуда ты знаешь?

Том вздохнул, словно ему было неприятно отвечать на такой глупый вопрос. Впрочем, я тоже не мог себе объяснить, как Том додумался до этого. А ведь я, как всем известно,

довольно сообразительный кот!

– Тут ведь все логично: преступники действовали по четкому плану. Скорее всего, они точно знали, в каких школах Гамбурга стоят сейфы с большими деньгами и как до них добраться. Это не случайные воры, забирающиеся в первую попавшуюся школу. Нет, я уверен – это опытные профессионалы.

– Ну тем более. Раз это настоящие профи, зачем нам со-
ваться? – скучающим тоном возразила Паули. – Конечно, этим расследованием должна заниматься полиция. Вряд ли там ждут трех семиклассников с их умными советами. Да ты сам подумай! Как ты себе все это представляешь? Мы за-
йдем к полицейским и начнем их учить, что им делать? Ты позвонишь в полицию и скажешь: «Извините, пожалуйста, но я считаю, что люди, стащившие школьный сейф, это преступники-рецидивисты»? Да в полиции все просто обхо-
чутся. Даю гарантию, что они и сами это знают.

Том упрямо покачал головой:

– Ерунда, я вовсе не собираюсь давать полицейским ум-
ные советы. Но я уверен, что вся эта серия преступлений со-
вершается по какой-то определенной схеме. Если мы сумеем
определить, что это за схема, то, возможно, сможем вычис-
лить, какая школа окажется следующей жертвой ограбления.
А когда мы потом сообщим в полицию эту информацию, им
останется лишь устроить засаду, и они накроют преступни-
ка с поличным и арестуют. Короче, я уверен, что существует

закон серийности. И мы должны его определить.

Кира снова рассмеялась. Правда, на этот раз гораздо тише.

– Слушай, Том! Ты хотя бы приблизительно понимаешь, как это сделать? Ведь у нас нет хрустального шара, с помощью которого можно заглянуть в будущее.

Я с удивлением глядел то на Киру, то на Тома. Какой еще хрустальный шар? Как можно поглядеть на него и увидеть будущее? Он что, вроде телевизора? Его можно включить в розетку? Телевизор тоже показывает то, что происходит в других местах, даже в других странах. Хотя вряд ли он покажет то, что будет происходить в будущем. Такая функция в нем не предусмотрена. Но если хрустальный шар в самом деле так функционирует, тогда это прикольно! Даже круто!

Я начал вспоминать, мог ли я где-нибудь видеть такой шар. Пожалуй, мог – у фрау Хагедорн, матери Вернера. Правда, тогда в нем плавала золотая рыбка. Интересно, показывает ли тот шар будущее. Если нет, тогда у меня идея. Я быстро суну лапу в шар и потом... вот только бы меня не увидели, а то будут ругать. Люди ведь ужасно нервничают, когда дело касается рыбок и других никчемных домашних питомцев. У ужасно невоспитанных племянников Вернера был маленький хомячок, и когда мне захотелось чуточку с ним поиграть, они подняли жуткий скандал – просто невероятный! А я ведь ничего бы с ним не сделал. Хотя тот шум, который он устраивал, когда бегал в своем дурацком колесе,

страшно действовал мне на нервы.

Впрочем, я отвлекся. Где же нам поскорее раздобыть хрустальный шар, чтобы увидеть в нем будущее и сообщить полиции полезную информацию?

Громкое сопение отвлекло меня от этих размышлений. Сопел Том – кажется, замечание Киры его рассердило.

– Ха! Ха! Ха! Хрустальный шар – очень остроумно! Но как бы вы ни смеялись надо мной, я все равно знаю, что я прав. Девчонки, давайте станем снова теми гениальными секретными агентами, какими были раньше! Если мы начнем внимательно анализировать факты, нам наверняка удастся выяснить, где будет следующая кража. Я точно знаю, что мы сможем это сделать. И уж наверняка без твоего дурацкого хрустального шара.

Ах, вот оно что! Значит, Кира просто пошутила? Мне, ко-ту, не всегда легко различить, когда ребята шутят, а когда говорят серьезно.

Кира пожала плечами:

– Ясное дело, Том. Конечно, у нас все получится. Закон серийности – я уже поняла. Но вот чего я никак не могу понять – так это закона дистрибутивности. А завтра на контрольной по математике наверняка о нем спросят. Вообще-то мы с вами здесь и собрались для того, чтобы к ней подготовиться. Поэтому, Том, объясни мне еще раз, что он означает!

Том нахмурил брови – он был настроен серьезно:

– Кира, кое-что я уже выяснил. Все ограбленные школы объединяет одна вещь – школьные столовые, в которых можно платить наличными. Значит, там каждую неделю накапливаются в сейфах большие суммы.

– Так вот он какой – закон дистрибутивности! Ладно, если завтра на контрольной будет такой вопрос, я напишу, что в столовой можно платить наличными, – захихикала Паули.

Том со стоном упал со своей кровати на пол и так и остался там лежать, судорожно дрыгая ногами и размахивая руками. Выглядело это очень смешно, и если бы я мог, я бы тоже посмеялся. Но я лишь издал звук, отдаленно напоминавший фыркание. Зато в соседней комнате Нико вряд ли мог его услышать!

Кира повернулась ко мне и почесала меня за ухом:

– Тебе это тоже показалось смешным, да, Уинстон?

Я громко замурлыкал в ответ.

Том вскочил с ковра:

– Ну знаете, если надо мной даже кот смеется, тогда я больше не буду рассказывать вам о моих гениальных выводах. Вы невежественные существа и все равно не сможете это оценить. Так что не волнуйтесь, я и без вас обойдусь. Поэтому давайте повторим сейчас закон дистрибутивности, а преступников я вычислю сам, в одиночку.

Минуточку! Как это понимать? «Даже кот смеется» и «невежественные существа»? Какая дерзость! Ведь я, в конце концов, очень одаренный кот! Не на шутку обидевшись,

я прыгнул с кровати и побежал к двери. Если Том не понимает, какую огромную пользу я мог бы принести ему в его расследовании, то он сам виноват. Бегать за ним я не собираюсь. Лучше загляну во двор, погляжу, что там делают мои четвероногие друзья, особенно Одетта. Остановившись возле двери, я поцарапал когтями дверной косяк.

– По-моему, Уинстон хочет выйти на улицу, – заметила Кира. – Похоже, ему скучно учить математику. Вообще-то я удивилась, когда он так настойчиво стал проситься пойти со мной.

Если бы Кира все еще умела читать мои мысли, она бы поняла, что я отправился с ней к Тому не из-за математики, а исключительно ради своей фигуры. Эх, как жалко, что она утратила это умение! А ведь раньше, когда мы поменялись телами и я, Уинстон, находился в теле девочки, а Кира в теле черного кота, мы умели мысленно беседовать друг с другом. Но теперь это было в прошлом: мы снова находились в собственной шкуре – или коже. Но все равно мы с Кирой чаще всего довольно хорошо понимали друг друга – ведь настоящим друзьям не нужно много слов! Поэтому она встала со стула, открыла дверь комнаты, потом дверь квартиры и спустилась со мной по лестнице вниз, чтобы открыть дверь дома.

На прощанье она присела на корточки и почесала мне за ухом:

– Хорошо тебе, Уинстон! Ты можешь немного погулять, а

мне надо учиться. Иногда из-за этого мне бывает ужасно досадно. Все-таки не круто быть ребенком. Ну пока! Погуляй в свое удовольствие!

Я замурлыкал и лизнул Кирин палец, а потом побежал в сторону нашего дома. Кира права: лучше я встречусь на заднем дворе с друзьями – Одеттой, Спайком и Чупсом, – чем буду слушать, как Том объясняет, что такое закон дистрибутивности. Я был абсолютно уверен, что мне, коту, это никогда не понадобится!

Четыре мяушкетера снова вместе. Во всяком случае, временами

– Недавно ограбили соседнюю школу, и Том хочет заняться расследованием.

Спайк сидел на мусорном баке и таращил на меня глаза – то ли от ужаса, то ли от восторга.

– Супер! Классно! Мы ведь тоже будем участвовать в расследовании, да?

Все понятно. Значит, от восторга.

– Ну, не знаю, – неопределенно ответил я. – Мы что, будем теперь расследовать все преступления, которые совершают-

ся на десять километров вокруг?

Спайк фыркнул:

– Во-первых, мы четыре мяушкетера – ты забыл, что ли? Во-вторых, что такое «километров»?

В первом пункте Спайк был точно прав: Спайк, Одетта, Чупс и я создали группу секретных агентов – мяушкетеров, чтобы пережить как можно больше увлекательных приключений. Название я позаимствовал из книжки: мне ее когда-то читал Вернер, и там шла речь о четырех смелых парнях, которые всегда были вместе и боролись со злом. Ну прям как мы! Потом Одетта поправила нас, что «мяушкетеры» по-правильному «мушкетеры», но нам на это было наплевать.

Вообще-то мне по-прежнему нравились и увлекательные приключения, и наша игра в секретных агентов – хотя, к моему огромному сожалению, ради этого приходилось часто покидать уютный белый диван, а также лишаться регулярно приема пищи. Образ жизни агентов не предполагает правильного режима питания. Короче, я бы не возражал против того, чтобы сделать маленькую паузу и пожить тихо и спокойно, без увлекательных приключений. Но втолковать все это Спайку я не успел – рядом с нами появилась Одетта. Пришла она к нам не случайно: наш задний двор всегда был излюбленным местом встречи кошек, потому что это самая солнечная площадка во всей округе.

– Позвольте мне присоединиться к вам, друзья мои, – промурлыкала Одетта. – Вы ведь сейчас говорите о новом при-

ключении? Мне это очень интересно!

С этими словами Одетта прошла мимо меня, да так близко, что коснулась моей шерстки своим боком. На кратчайший момент мне даже показалось, что у меня остановилось сердце – впрочем, всего на долю секунды, после чего оно вновь бешено застучало. Я почувствовал себя почти как в тот раз, после удара молнии, когда неожиданно очутился в теле Киры. Но это было мимолетное ощущение, и оно быстро прошло. К тому же если в тот раз ощущение было чертовски неприятным, то тут наоборот – оно было чертовски приятным. Ну и сейчас я остался в своем собственном теле и смог полностью насладиться восхитительным моментом.

– Уинстон, у тебя все в порядке? Что с тобой? – спросил Спайк, глядя на меня с легким испугом.

– Э-э, конечно. А что?

– У тебя текут слюни. И довольно сильно. Раньше я думал, что такое бывает только у собак.

У меня текут слюни?! Святые сардины в масле! Я оглядел себя. И в самом деле черная шерстка на моей груди была совершенно мокрой, а с моих роскошных усов справа и слева просто лило ручьем. Еще чуть-чуть и скоро подо мной образовалась бы лужа... Какой позор!

Не зная, куда деваться от смущения, я провел лапой по мордочке.

– Я... это... кажется, у меня небольшой насморк, – забормотал я и в подтверждение своих слов шмыгнул носом.

Одетта и Спайк глядели на меня с сочувствием. – Но в остальном я здоров и полон сил, – поспешил добавить я и гордо вскинул голову, стараясь выглядеть лихим и отважным. Я уже убедился, что лихость и отвагу в котах Одетта особенно ценила. Именно поэтому она не ошиблась во мне, потому что я, Уинстон Черчилль, самый крутой кот на всем белом свете! Смелый и отважный, но при этом вдобавок еще и хитроумный. И вообще если хорошенько поразмыслить, то мне не нужны никакие паузы. Совсем наоборот! Я готов отважно идти навстречу новым приключениям. По мне, так пускай они начнутся хоть сейчас!

Но все равно у меня порой возникало ощущение, что Одетта принимала меня не совсем всерьез. У меня не было никаких доказательств, да и сама она никогда не говорила ничего такого, но время от времени меня это немного беспокоило, да и в кончике хвоста покалывало – а это верный признак близких неприятностей. Короче, мне вдруг стало казаться, что я в ее глазах не герой, а скорее приятный знакомый – хотя однажды мы вместе с ней уже выследили настоящего преступника и помогли его арестовать.

– Ну, и что теперь? – Голос Спайка отвлек меня от моих раздумий.

– А? Что?

– У тебя хватит сил на то, чтобы ринуться вместе с нами в новое приключение?

– Ты шутишь, приятель? Да я в прекрасной форме! Лучше

не бывает!

Одетта склонила набок свою красивую головку.

– Но, похоже, ты простудился? – заботливо спросила она.

Я выпятил грудь и еще выше вскинул голову:

– Что такое простуда для такого кота, как я? Она не сможет свалить меня с ног! Нет-нет, еще не появилась такая болезнь, которая способна меня одолеть!

– Молодец, приятель! – Спайк ткнул меня носом в бок. – Значит, ты с нами. Вот только пока для расследования этой серии краж у нас нет четкого плана. Что именно рассказывал об этом Том?

Я слегка задумался над его вопросом.

– Хм-м, вообще-то только то, что, по его мнению, эти преступления совершаются по определенной схеме, и что, если ее понять, можно напасть и на след преступников.

– Ага, *определенная схема*, понятно, – пробормотал Спайк, но я ему не поверил: кот, который не знает, что такое «километр», вряд ли понимает значение словосочетания «определенная схема». Одетта тоже глядела на нас скептически.

– Похоже, что дело непростое, – заметила она. – Мне не очень понятно, с чего мы начнем наше расследование.

Вот уж правда так правда, ничего не скажешь. Я тоже не мог ничего предложить.

Спайк нервно пошевелил кончиком хвоста:

– Коллеги, у меня появилась идея! Почему бы нам не по-

ступить так, как в прошлый раз? Давайте наберемся терпения и будем наблюдать за школой до тех пор, пока не заметим что-нибудь подозрительное.

– Думаю, это не так просто, – возразил я. – Когда мы искали Эмилию, мы вели наблюдение за ее домом. А где мы будем сидеть в этом случае?

– Ну, так я же сказал – перед школой.

Одетта насмешливо посмотрела на него:

– Да, но перед какой?

– Их что, много? – Спайк удивленно посмотрел на нас, и я с трудом сдержался, чтобы не покатиться со смеху, ограничившись громким фырканьем.

Одетта покачала головой:

– Спайк, ты меня удивляешь! Конечно же, в городе много школ! В общем, наверняка... – она ненадолго задумалась, – ну, точно не скажу, но не меньше пяти или около того. Значит, если даже к нам снова присоединится Чупс, нужен будет еще минимум один мяушкетер, чтобы мы могли вести наблюдение за всеми школами. Но мне что-то ничего не приходит в голову, я не могу предложить ни одной подходящей кандидатуры. Кошки из соседнего дома слишком тупые, а та, что живет напротив, старая и хромая.

Я закатил глаза. Такую привычку я приобрел, когда был человеком, и теперь мне нравилось так выражать свое несогласие. По-моему, это круто. К сожалению, мои друзья-кошки никак на это не отреагировали. Поэтому я был вынужден

высказать все напрямую – рискуя при этом, что Одетта на меня рассердится.

– Извините, но это полная чепуха. В Гамбурге наверняка наберется двести с лишним, а то и триста школ. Поэтому мы никогда не сможем установить наблюдение за всеми одновременно. Абсолютно исключено. Даже если нам будут помогать все тупые и хромые кошки.

Одетта и Спайк дружно раскрыли пасти от удивления, но через секунду пришли в себя.

– Триста?! – удивленно воскликнул Спайк и тут же спросил: – А это сколько? Много? Ну объясни на каком-нибудь примере!

– Очень просто: в шестьдесят раз больше пяти.

Ха-ха! Кто-то еще скажет, что я не владею устным счетом? Как-никак, но ведь я Супер-Уинстон, и этим все сказано!

Одетта вытаращила на меня глаза:

– Скажи-ка, откуда ты все это знаешь?

Опля! Пожалуй, зря я так расхвастался своей эрудицией. Это глупо. Ведь Одетта и Спайк не знают, что я ходил в школу, когда находился в теле Киры, и с тех пор умею не только читать и писать, но и считать. Пускай это так и останется моей тайной – еще не хватало, чтобы Одетта считала меня чудаком.

– Хм, я... короче... я просто прикинул, что это так. К тому же, когда Кира делает уроки или встречается с одноклассниками, я часто сижу рядом с ней. Вот и слышу много инте-

ресного.

– Ах, вот оно что. – Даже если Одетту не удовлетворило мое объяснение, она этого не показала.

Спайк встал и потянулся, выгнув спину:

– Ну, друзья, если все так сложно, тогда давайте подождем какого-нибудь другого приключения. А я пойду поищу себе что-нибудь поесть. Пока, коллеги! Увидимся!

Он спрыгнул с мусорного бака и, пробежав между колес велосипедов, скрылся за углом.

Одетта посмотрела ему вслед:

– Все время только о еде и думает... Жалко, что из нашего приключения ничего не получится, – добавила она. – Мне ужасно хочется снова пережить вместе с тобой что-нибудь интересное.

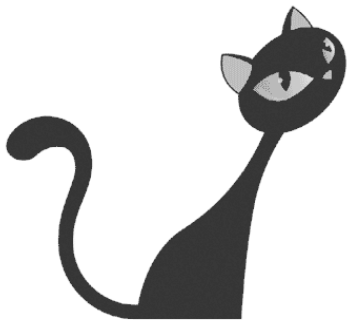
У меня чуть не выпрыгнуло сердце из грудной клетки – неужели Одетта в самом деле сказала мне эти слова?! Я стал лихорадочно соображать, что ей ответить – ведь нужно придумать что-нибудь галантное, возвышенное или что-то остроумное...

– Ладно, тогда я тоже пойду. Пока, Уинстон, до скорого!

Прежде чем мне пришло в голову что-либо галантное, возвышенное или остроумное, она уже убежала – самая красивая кошка на свете. Черт! Черт! Черт! Почему я не согласился с тем, что в Гамбурге только четыре школы?! Вот идиот!

Свидание, которое нравилось не всем, плохое настроение у Вернера и странные события

В доме царило напряжение. Воздух был им буквально заряжен. Бабушка ругалась с Анной. По-русски:

– Ну зачем ты опять встррречаешься с Вадимом?! Он прррреступник! Я думала, что ты наконец-то поумнела!

– Мама, я иду всего лишь выпить с ним чашечку кофе. Ну успокойся, пожалуйста.

Что такое?! Анна хочет встретиться с Вадимом?! Ее бывшим другом, преступником, который занимался контрабандой сигарет и угрожал ей, когда она ушла от него?! Анна с Кирой поселились в нашей квартире, когда сбежали от Вадимом.

ма. И теперь Анна идет пить кофе с этим типом?! Неудивительно, что бабушка так переживает! У меня от волнения даже мордочка покрылась красными пятнами. Конечно, в переносном смысле – разве разглядишь эти пятна, если ты весь покрыт черной шерсткой?

У Анны, наоборот, вид был очень довольный. Она переоделась и вышла из своей комнаты не в джинсах и майке, а в короткой юбке и блузке. Ее длинные светлые волосы не были завязаны в конский хвост, а падали на плечи. Честно говоря, я не такой уж специалист в подобных делах, но мне показалось, что сегодня Анна выглядела особенно красивой.

Очевидно, то же самое подумал и Вернер, который в это время вернулся домой. Увидев Анну, он даже присвистнул:

– Вау, вы выглядите потрясающе! Куда-то идете? Если нет, тогда я немедленно и официально приглашаю вас куда вы сами захотите!

Анна смущенно улыбнулась:

– Ой, большое спасибо! Но вообще-то я уже договорилась о встрече. Так что, пожалуй, в следующий раз. А сейчас мне пора уходить! Пока!

Она сдернула с крючка гардероба свою сумочку, перекинула через руку куртку и выбежала за дверь. Вернер посмотрел ей вслед; на его лице застыло странное выражение, понять которое я не мог. Я еще никогда не видел Вернера таким – и это после многих лет жизни рядом с ним на правах домашнего питомца. Что это было? Тоска? Разочарование?

Ожидание? Не знаю, пожалуй, ни то, ни другое и ни третье. Возможно, на его лице отразилась смесь из всех этих эмоций. Клянусь своей когтеточкой – это действительно выглядело очень странно!

Едва за Анной закрылась дверь, как бабушка снова громко выразила свое недовольство, ругаясь на чем свет стоит и размахивая в воздухе пальцем:

– Ах, моя дочь такая глупая! Этот Вадим плохой человек. Зачем пить с ним кофе?!

Вернер вытаращил глаза. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы ахнуть или громко воскликнуть «Ах, черт побери!». Но теперь выражение его лица было мне хорошо знакомо: Вернер был в ужасе. Обычно я видел его таким лишь в те дни, когда к нам в гости приезжал его брат со своими невоспитанными детьми.

– Хм, – пробормотал он и, казалось, после тяжелой внутренней борьбы выдавил из себя следующий вопрос: – Фрау Коваленко, вы хотите сказать, что Анна встречается со своим бывшим другом Вадимом?

Бабушка энергично закивала.

– Да! Именно так и есть. Моя дочь отправила пить с ним кофе. КОФЕ! Господин профессор – как это понимать?!

Вернер растерянно посмотрел на нее:

– А что, вы считаете, что лучше пить вино?

Неожиданно бабушка улыбнулась и положила ладонь на

руку Вернера:

– Нет. Кофе – напиток пррравильный. Человек непррравильный этот Вадим. Анне нужен пррравильный человек.

Хм. По тому, как бабушка это сказала, у меня появилось ощущение, что Вернер имел какое-то отношение к вопросу о правильном человеке для Анны. Вот только какое?

Впрочем, Вернер ничего не ответил и молча прошел мимо бабушки в угол гостиной, где теперь стоял его письменный стол. Я тихонько побежал за ним. Ведь мне было любопытно узнать, что там у Вернера с Анной, и я надеялся найти какую-нибудь подсказку, которая поможет мне это понять.

Тем временем Вернер плюхнулся на стул и с сердитым лицом стал рыться в бумагах, которые лежали на письменном столе.

Я вскочил на плетеный стул, стоявший в углу, – оттуда у меня был хороший обзор. Наконец Вернер вроде нашел то, что искал, потому что взял в руки какую-то открытку и мрачно посмотрел на нее. Потом тяжело вздохнул и схватил телефонную трубку:

– Роланд? Это Вернер.

В общем-то, Роланд, младший брат Вернера, был приятным и веселым парнем, но, к сожалению, когда-то обзавелся ужасной семейкой. Жена его, фрау Беата, постоянно ворчала на него, а еще у них были ужасно невоспитанные дети. Две девочки, близнецы, готовые на любые проказы, и мальчишка чуть постарше, тоже такой же сорванец. Я не раз имел

сомнительное удовольствие общаться с этой троицей на разных семейных торжествах, после окончания которых у меня всегда возникало ощущение, что я с трудом пережил страшный природный катаклизм.

– Нет-нет. Не из-за выходных. Тут все в порядке. Я звоню по поводу приглашения на ваш праздник в саду. Знаешь, Роланд, я тут... э-э, я спросил у Беаты, могу ли я приехать к вам не один, а кое с кем... но теперь, э-э, думаю, что все-таки приеду один.

У меня очень неплохой слух, но тем не менее со своего стула я не расслышал, что ответил Роланд на другом конце провода. В любом случае говорил он долго, и если бы я вскочил на стол, то, пожалуй, разобрал бы что именно. Скорее всего, это было что-то интересное.

– Ясно, Роланд, я все понимаю. Хорошо, тогда дай мне Беату. Да, пока...

Очевидно, к телефону подошла эта ужасная Беата.

– Алло, Беата, это Вернер. Я уже сказал Роланду: пожалуй, на ваш праздник в саду я все-таки приеду один.

И тут я вдруг услышал голос, звучавший в трубке, – Беата говорила гораздо громче, чем ее муж. Можно сказать, что она просто орала в телефон.

Вернер тяжело вздохнул:

– Слушай, Беата, не делай из этого драму.

Снова крики.

Вернер покачал головой:

– Какой план рассадки гостей?! Я думал, у вас будет просто вечеринка. Я не знал, что вы закатали такое торжество. Можно подумать, что вы ждете королеву Англии.

Бормотание в трубке.

– Я должен сказать тебе это прямо сейчас?

Бормотание стало еще громче.

– Ну, если я должен поклясться на Библии, что действительно приду не один – тогда лучше считай, что я буду один. Сейчас я слишком расстроен. Извини. Да, точно. Я охотно объясню тебе все подробнее, когда вы приедете ко мне. Хотя тут особенно и объяснять нечего. Да. Поцелуй от меня детей. – Он положил трубку, тяжело вздохнул и взглянул на меня. – Уинстон, дружище, одно я могу сказать точно: без женщины жизнь намного легче. – С этими словами он встал и вышел из комнаты.

Я был в растерянности. Что имел в виду Вернер? О какой женщине он говорил? О Беате? Нет, скорее об Анне. Наверное, он собирался приехать с ней к своему брату на праздник в саду, а теперь передумал, потому что Анна предпочла встретиться с Вадимом. И что он имел в виду, сказав «когда вы приедете ко мне»? Надеюсь, не то, о чем я подумал! Святые сардины в масле! При одной только мысли о Беате и ее маленьких сорванцах у меня встала шерсть дыбом. Если они действительно приедут, я сбегу из дома!

– Да, мамочка, я знаю, ты даже не хочешь это слушать – но Вадим кардинально изменился!

Анна вернулась со своего свидания в великолепном настроении и теперь готовила на кухне ужин, а бабушка стояла в дверях, опираясь плечом о дверной косяк и являя собой воплощенный упрек. Кира тоже к этому времени вернулась домой и с интересом прислушивалась к словам матери.

– Суд действительно послужил ему хорошим уроком. Он чудом избежал тюремного заключения и получил год условно. Теперь Вадим хочет воспользоваться этим шансом и наконец стать хозяином своей жизни!

Бабушка покачала головой, а Кира от удивления вытаращила глаза.

– Мама, что такое «условно»? – спросила она. Я и сам хотел спросить об этом!

– «Условно» означает, что судья может отправить человека в тюрьму, но не делает этого, потому что тот обещает ему впредь соблюдать закон. А судья устанавливает определенный срок, в течение которого подсудимый должен себя вести особенно хорошо. И если он за это время опять что-нибудь украдет, нахулиганит или кого-то обманет, то его отправят прямиком за решетку. Следовательно, «год условно» означает, что провинившийся человек должен был провести

год в тюрьме, но освобождается от этого наказания, если за этот срок он не совершил ничего плохого.

Понятно: условный срок – это когда судья ругается, а ему обещают исправиться. Вообще-то точно как у нас. Анна и бабушка выступают в роли судьи, а бедные грешники – это обычно Кира или я.

– Вот сама увидишь, что он совершенно не изменился. Совершенно! – Бабушка резко вскинула подбородок, и на ее голове опасно качнулась башня из волос. А лицо у нее было таким сердитым, что стало даже страшно. Я понял одно: если бы в кресле судьи сидела бабушка, то Вадим точно оказался бы в тюрьме. Как бы он ни клялся, что изменится и исправится, – никаких шансов! Кирина бабушка явно не верила в доброе начало у людей, по крайней мере, у контрабандиста Вадима.

– А я говорю, он очень изменился, – бормотала Анна, уговаривая мать, – поверь мне.

– Но мама, – вмешалась и Кира, – зачем ты вообще встречалась с ним?! Ведь мы с тобой так радовались, что избавились от него! Я всегда его немножко боялась – и больше не хочу его видеть! И уж тем более не хочу, чтобы этот человек снова стал твоим другом.

Мяв! Ни в коем случае! Я тоже не хотел этого и с ужасом вспоминал, как этот грубый тип запер Киру, Паули, Тома и меня в своей квартире, когда мы обнаружили его тайник с контрабандными сигаретами. Конечно, я не исключаю,

что он изменился и теперь уже не такой ужасный, каким был раньше. Но все равно, встречаться с ним еще раз у меня совершенно не было желания.

Анна рассмеялась и погладила дочь по плечу:

– Кира, об этом вообще не может быть и речи. Мы всего лишь выпили вместе кофе, вот и все. Ты только представь себе: Вадим работает где-то по соседству с нами. Разве не удивительное совпадение?

– Да уж, прррросто удивительно, – ехидно заметила бабушка, и по ее голосу было件нятно, что ни в какое совпадение она не верила.

Кира тоже смотрела на Анну скептически:

– Ага. И что за работа у него? Ведь он не способен ни на что толковое.

– Что ты говоришь, Кира?! – Анна даже слегка обиделась на слова дочери. – Вадим работает в службе доставки, развозит посылки, и его склад находится прямо тут за углом. Он передает тебе привет.

– Хм! – презрительно отозвалась Кира. – Мам, этот тип настоящий преступник. Я не представляю, что он мог так быстро измениться. Сейчас он наплетет тебе что угодно. Допустим, теперь он хорошо выглядит, но это еще не значит, что он исправился и стал хорошим человеком.

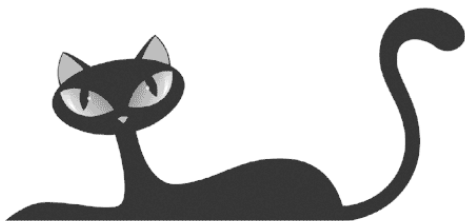
Правильно, Кира! Но я даже не считаю, что он может хорошо выглядеть. Помнится, тогда он был в старой потрепанной кожаной куртке и небритый, с трехдневной щетиной. А

уж сколько дней он не причесывался, даже и сказать невозможно. К тому же Вадим довольно высокий и широкоплечий, с массивной фигурой, и меня это ужасно пугало. Вот мой Вернер намного привлекательнее. Он бреется каждый день и ходит только в глаженных рубашках. И хотя его длинные волосы кажутся всегда чуточку растрепанными, он все же регулярно причесывает их щеткой. К тому же Вернер не такой верзила, как этот Вадим. У него нормальный рост, удобный для кошек, – если я встану на задние лапы, то достану головой до его руки. А в ней часто бывает что-нибудь вкусненькое, но если и нет, я могу просто приласкаться. Короче, если Анне захочется выпить кофе с каким-нибудь мужчиной, то уж лучше с моим Вернером. Да она и сама должна это понимать!

И я вот что еще подумал. Конечно, я вообще не очень хорошо знаю людей, и тем более женщин, но, может, Анну нужно подтолкнуть в нужную сторону? И это должен сделать один небольшой черный кот? Святые сардины в масле, что за беспокойная жизнь! Все приходится делать самому!

Мороженое-спагетти, песочный человечек и пари

Последующие дни побили все рекорды по отсутствию всяких событий. Анна больше не ходила пить кофе с Вадимом, тем не менее Вернера все равно не покидало плохое настроение, а я просто валялся на диване, много спал и время от времени находил в своей миске положенные бабушкой угощения. Короче, все шло так, как я всегда и мечтал. Ну, за исключением плохого настроения у Вернера – но ведь полного благоденствия на свете никогда не бывает.

За это время я даже привык не отходить от бабушки, когда она стряпала, потому что тогда мне доставалось что-нибудь вкусненькое еще до того, как оно попадет в тарелки моих соседей по квартире. (А ведь раньше бывало и так, что они все съедали и мне ничего не доставалось.) Ясное дело, от этого я не становился стройнее и спортивнее – но не беда: ведь, как

оказалось, у нас не предвиделось никаких секретных операций. Лучше быть сытым котом, чем голодным детективом!

Кстати о детективах: плохое настроение не покидало еще и Тома. Вероятно, он не мог примириться с тем, что Кира и Паули не хотели расследовать вместе с ним кражу сейфа из соседней школы. Когда я в очередной раз пришел с Кирой в кафе-мороженое «Айсмари», вид у Тома был кислый, и его не взбодрило даже вкусное мороженое-спагетти, которым угостила его Кира. (Себе она купила шоколадный напиток.)

– Вот, гляди! – угрюмо буркнул он, подходя к ее столику. И тут же выложил на него кучку бумажек.

– Давай сначала поздороваемся, – засмеялась Кира. – Это хорошо, что ты нашел время прийти сюда. – Кира пригласила Тома в «Айсмари», чтобы отблагодарить его за помощь по математике – она получила «хорошо с плюсом». – Что это? – спросила она и с любопытством взяла со столика один из листков.

– Тут информация о всех здешних общеобразовательных школах. Их в Гамбурге триста тридцать девять. До других школ я еще не добрался. В основном я смотрел в Интернете, есть ли в них столовые и можно ли там платить наличными. А если чего-то не находил, то звонил и спрашивал.

– *Общеобразовательных* школ? – Лицо Киры выражало большой вопрос, да и я, разумеется, тоже не понял, что имел в виду Том. Я-то думал, что в любой школе ученики получа-

ют общее образование, если не прогуливают занятия. Меня поразило, что существуют и другие школы, к которым это не относится. Тогда зачем туда вообще ходить? Не разумнее ли сидеть дома?

Но Том рылся в бумажках, не обращая внимания на Кирин вопрос:

– Ты должна это посмотреть! Тут все ясно: преступники совершили четыре кражи – и все в больших школах с большими столовыми. Там, где действительно могли скапливаться большие бабки. Поэтому воры всегда приходили вечером в четверг: в это время сейф набит, а выручку в банк еще не отвезли, потому что ее отвозят в конце недели.

Кира громко втянула через соломинку холодный шоколад и задумчиво посмотрела на Тома.

– Хорошо, с этим понятно. Но я не понимаю другое: как ты собираешься вычислить, какая школа будет следующей? Если воры вообще решатся на новое ограбление. Может, больше ничего не произойдет, а преступники прогуливают сейчас награбленное на Карибах.

Том помотал головой:

– Я так не думаю. Для Карибов денег маловато. Они ограбили четыре школы и в каждой забрали в среднем по пять тысяч евро. Значит, всего у них сейчас около двадцати тысяч.

Да? У этих воров действительно столько денег? Это много или мало? А сколько денег нужно на Карибах? И вообще

– где это находится? Близко от Гамбурга или далеко? Я терся о ноги Киры, нервно шевелил хвостом и размышлял, почему для людей деньги играют такую важную роль. Иногда мне даже кажется, что для некоторых из них это самое главное в жизни! Но это какая-то бессмыслица, клянусь своими роскошными усами! Деньги ведь нельзя есть, они несъедобные. Деньги не присядут возле меня, когда я одиноко лежу на своей подушке, не погладят меня по шерстке, когда мне грустно. Другими словами, деньги – это всего лишь бумага или металл. И все-таки люди сходят из-за них с ума. Я сам это наблюдал: иногда, когда речь заходит о деньгах, у некоторых в глазах появляется лихорадочный блеск, словно они думают об огромной вкуснейшей порции паштета из гусиной печенки. Или словно у них высокая температура...

Кира вздохнула:

– Но даже если это так – что дальше?

– Тебе в самом деле интересно? – спросил Том с заметным недоверием.

Кира кивнула.

Лицо ее одноклассника засветилось от радости:

– Я почти уверен, что следующей школой, откуда «сбежал» сейф, станет школа «Гутенберг»² на Сабиненштрассе.

– Почему?

– Просто чистая статистика. Грабители начали с самой

² Иоганн Гутенберг (1394–1468) – немецкий изобретатель книгопечатания. Его имя присвоено многим школам в Германии.

большой школы. А потом шли по списку сверху вниз. Я проверил, это не может быть случайностью.

Кира вытаращила глаза от удивления. На меня слова Тома тоже произвели впечатление.

– С ума сойти! И полиция этого не заметила?

Том пожал плечами:

– Не знаю. Похоже, они из-за деревьев не видят леса. Или у них нет такого же хорошего, как я, криминалиста.

– Кого-кого?

– Криминалиста. Ну ты ведь знаешь – вот как в американском сериале «Морская полиция». Это специалист, который по следам, обнаруженным на месте преступления, может составить точный психологический портрет преступника и предугадать, что тот будет делать дальше.

– «Морская полиция»? Никогда не слышала. А где он идет, по какому каналу? По «Диснею»?

Том рассмеялся, словно никогда не слышал более смешного вопроса:

– По «Диснею»? Да это же детский канал! Конечно нет. Этот сериал идет по *настоящему* телевидению.

– Ах вот оно что, – вздохнула Кира. – Тогда мне не разрешат его смотреть. Мне можно смотреть только детские каналы, и то до полвосьмого. В этом вопросе мама такая же строгая, как и бабушка. Настоящий террор. Очень обидно – я живу словно на Луне.

– Ладно, не переживай. – Том усмехнулся. – Зато ты мо-

жешь смотреть такие прикольные передачи, как «Песочный человечек» или «Свинки Питер и Пауль».

– Ха-ха, очень смешно, – буркнула Кира.

Я же опять ничего не понял. Почему она обижается на Анну и бабушку? Ведь это действительно прикольные мультики. Я смотрел их вместе с Кирой и считаю, что они очень познавательные. Например, прежде я не знал, что в Германии живет такой маленький человечек, который по вечерам бросает детям песок в глаза, чтобы они почувствовали усталость и поскорее заснули. Хотя я и раньше замечал, что, когда люди устают, они начинают тереть глаза. Теперь я знаю, что вся причина в песке. Песочного человечка я, впрочем, еще никогда не видел, хотя несколько раз пытался вечером его подкараулить. Должно быть, он очень ловкий и все делает молниеносно. Хотя, может, он просто невидим для кошек.

Вообще-то этот самый песочный человечек часто халтурит и ленится, потому что бывают дни, когда Кира никак не хочет ложиться спать. Хотя Анна ругает ее, да и бабушка что-то ворчит, но это не помогает. А потом Кира тайком или бежит на кухню, или играет под одеялом на своем новом смартфоне, которым очень гордится. Но если Анна ловит ее на этом, ей влетает так, что ой-ой-ой. Конечно, если подумать, то это несправедливо, потому что виноват во всем песочный человечек, недобросовестно выполняющий свою работу. Небось смылся куда-то со своими друзьями, вместо того чтобы заботиться о детях из Гамбурга. И при чем тут

бедная Кира?

Тем временем Том выскреб из своего стаканчика остатки мороженого-спагетти и теперь выглядел намного веселее, чем десять минут назад. Он поставил пустой стаканчик на стол, сжал в кулак правую руку и потрянул ею. Жест получился весьма решительный!

– Короче, факты лежат перед тобой на столе, и я спору с тобой на порцию мороженого-спагетти: следующей школой, которую ограбят эти гангстеры, станет школа «Гутенберг». И случится это в четверг! Ну что, спорим? По рукам?

Кира вздохнула, но руку ему протянула:

– Ладно, спорим на мороженое-спагетти.

– Отлично. Тогда остается только выяснить, в *какой* четверг. Лучше всего, если мы будем наблюдать за той школой в ближайшие три недели.

Кира неохотно кивнула:

– Но только при одном условии: если мы заметим что-нибудь по-настоящему подозрительное, то немедленно позвоним в полицию.

– Ясное дело. Конечно, мы позвоним в полицию и дождемся, когда защелкнутся наручники. И тогда ты купишь мне мороженое-спагетти. – Он захихикал и, казалось, уже представил себе, как он ест еще одно бесплатное мороженое.

Впрочем, радовался Том рано. Потому что следующее ограбление произошло не в школе «Гутенберг». И не в четверг. Но в тот момент мы об этом даже не догадывались.

**Уинстон стал Супер-Уинстоном.
А завхоз так и остался завхозом**

Когда Вернер выставляет в коридор мою переноску, это всегда не к добру. Это означает, что мне придется куда-то ехать на автомобиле. А я ненавижу езду на автомобиле! Мне делается ужасно плохо, когда меня – засунутого в эту клетку – Вернер тащит по улице, потом довольно равнодушно ставит переноску на пол, и мне вообще не видно, куда мы едем. Это ужасно неприятно!

Короче, я был совсем не в восторге, когда сегодня утром

по дороге в кухню я наткнулся на этот дурацкий ящик. Но все оказалось гораздо хуже: на кухне я уловил слово, которое вызвало у меня ужасную тревогу: ВЕТЕРИНАР! Ох ты, кошачий бог! Но у меня еще оставалась надежда, что я ослышался! Я посмотрел на Вернера – он сидел за столом, пил кофе и болтал с Анной.

– Перед прививкой я могу подбросить Киру в школу, потому что по дороге к ветеринару так и так буду проезжать мимо.

У меня сразу шерсть встала дыбом. Сомнений уже не осталось – день будет ужасным! И как только Вернер может так спокойно и непринужденно сидеть? Ведь он собирается причинить своему лучшему другу – а именно мне! – ужасные страдания! Переноска – это уже плохо, ветеринар – еще хуже, но самое плохое – это прививка! Эта якобы любящая животных доктор Вильмес, ветеринарша, к которой мы всегда ездим, воткнет в мое самое драгоценное место иголку! Будет ужасно больно, а если я стану вырываться, то ее помощница схватит меня своими холодными руками, словно в тиски зажмет. Святые сардины в масле, эти люди способны на все!

Я бросился к Анне. Может, хоть она замолвит за меня словечко, чтобы меня не мучили?

– Ах, господин профессор, вы очень любезны, но Кира может доехать на велосипеде. – И ни слова о моих предстоящих мучениях! Вместо этого они говорили о таком пустяке,

как дорога Киры до школы. Как только им не стыдно!

– Нет-нет, это действительно не проблема, я с радостью подвезу ее. Поглядите в окно, Анна! Дождь льет как из ведра. Бедная девочка!

Мииааууумииааууу! Что значит – *бедная девочка*?! Бедный кот!!! Почему люди всегда думают только о себе подобных? Эй, вы там: тут на полу сидит некто, у кого скоро случится нервный срыв!

Но мое жалобное мяуканье осталось неслышанным. Вернер просто встал и пошел в коридор за переноской. Сначала я подумал, не спрятаться ли мне где-нибудь – но по своему горькому опыту я знал, что сопротивление тут бесполезно. Прижав уши, я понуро сидел на кухне и даже не сопротивлялся, когда Вернер запихнул меня в переноску и взял ее под мышку.

– Кира, ты готова? – крикнул он в сторону детской.

– Да, господин Хагедорн, готова, – тут же ответила Кира и выскочила в коридор. Об этом я догадался по ее торопливым шагам, потому что видеть уже ничего не мог. – Огромное спасибо, что вы меня подвезете!

– Не стоит благодарности! Возьми переноску на колени – Уинстон ужасно ее не любит, может, это чуточку его утешит.

Вот и хорошо. По крайней мере, мне не придется ехать на полу машины!

Шины заскрежетали, и последовал сильный толчок. Я в своей переноске врезался в бок машины и сильно стукнулся головой. Ой-ой, что такое?! Неужели Вернер не может тормозить чуточку нежнее?!

– Что за чертовщина! – воскликнул Вернер. – Что там случилось?

Кира снова поставила переноску к себе на колени.

– Ой, да тут полно полиции! – взволнованно ахнула она.

Я принялся царапать когтями боковину переноски. Из этого дурацкого ящика я совершенно не мог видеть, что так шокировало моих двуногих друзей и почему Вернер так резко ударил по тормозам.

Кто-то постучал по стеклу:

– Эй, проезжайте, пожалуйста. Вы загораживаете проезд спецтранспорту. – Голос был мужской, басовитый.

– Что тут случилось, господин офицер? – поинтересовался Вернер.

Офицер? Ага, значит, рядом с машиной стоит полицейский. Слушай, Кира, ну-ка, выпусти меня из этой дурацкой переноски!

– Школу ограбили, – сообщил бас.

– Не может быть! – воскликнул Вернер. – Опять сейф унесли? Ведь из-за обычной карманной кражи сюда бы не

приехали четыре полицейские машины, верно?

— Я понимаю ваше любопытство, но в данный момент сказать вам ничего не могу. Кроме того, что ваш автомобиль загорается всем проезд. Если вы хотите посадить ребенка, проезжайте немного дальше — остановитесь на следующем перекрестке.

Четыре полицейских автомобиля? Конечно, Вернер прав: преступники снова украли школьный сейф! Я царапался как сумасшедший, и наконец Кира сжалась и открыла переноску. Я быстро выскочил наружу, сел к ней на колени и посмотрел в окно.

С ума сойти можно! Просто невероятно! Вот тебе и четверг, и школа «Гутенберг»! Правда, я не знал, какой сегодня день недели, потому что это было несколько за пределами моего кошачьего чувства времени. Но мне было ясно одно: мы стояли точно перед гимназией «Вильгельмина». Том с его криминалистом, или как там это называется, ничего не угадал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.